

**Морозов Николай Александрович**

## **Под сводами**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84-4  
Н63

Н63      **Николай Александрович М.**  
Под сводами / Морозов Николай Александрович – М.: Книга по Требованию, 2023. –  
311 с.

**ISBN 978-5-519-97480-6**

**ISBN 978-5-519-97480-6**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2023  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Исторія этой книги длинная, очень длинная.

Эти стихотворенія, рассказы и воспоминанія были написаны уже много лѣтъ назадъ среди другихъ рассказовъ, стихотвореній и воспоминаній. Это какъ бы остатки великаго кораблекрушенія. Большая часть груза погибла навсегда. Волны выбросили на берегъ лишь немного.

Была когда-то крѣпость на необитаемомъ островѣ огромнаго Ладожскаго озера, этого внутренняго моря Европы. Она существуетъ и теперь, все та же по своему внѣшнему виду. Въ ней и теперь томятся узники, но это уже не та прежняя неприступная крѣпость, окутанная покровомъ государственной тайны, куда никогда не должна была проникнуть нога посторонняго человѣка, гдѣ всякій, входившій подъ своды одной изъ ея келій, терялъ самое свое имя и становился номеромъ...

Тотъ СТАРЫЙ ШЛИССЕЛЬБУРГЪ разрушенъ навсегда могучимъ напоромъ общественнаго движенія 1905 года.

Въ продолженіе двадцати лѣтъ тамъ жили тѣни безслѣдно исчезнувшихъ людей—нумера. Отрѣзанные навсегда отъ внѣшняго міра, они, какъ спиритическіе дѣхи, долго сообщались другъ съ другомъ только стуками пальцевъ по стѣнамъ своей каменной гробницы и одинъ за другимъ безмолвно переходили въ вѣчность. И этотъ переходъ узнавался другими тѣнями лишь по прекращенію ихъ тихаго стука.

Стуки, постоянно слышавшіяся по вечерамъ въ каменныхъ стѣнахъ этой непроницаемой крѣпости, когда прикладывали къ нимъ ухо, передавали многое. Порой сквозь толщѣу извести и кирпича переходили вопросы и отвѣты, порой передавалось цѣлое сообщеніе и записывалось сосѣдней тѣнью на грифельной доскѣ, или, впослѣдствіи, въ особой тетрадкѣ. На каждой такой тетрадкѣ стоялъ нумеръ тѣни, которой она принадлежала, и сама тетрадка, попавъ въ келью, становилась тоже тѣнью, такъ какъ никто посторонній уже не могъ ее болѣе видѣть.

Такимъ именно путемъ когда-то прошли сквозь толстыя стѣны отъ одного узника къ другому и всѣ приведенныя здѣсь стихотворенія. Огромное большинство остальныхъ погибло навсегда вмѣстѣ съ ихъ авторами-тѣнями, тихо перешедшими изъ міра заживо погребенныхъ въ міръ дѣйствительнаго вѣчнаго покоя, «гдѣ нѣтъ ни печали, ни болѣзней, ни воздыханій»... Кельи, гдѣ они слагали въ умѣ или на грифельной доскѣ свои стихотворенія и рассказы, стали для нихъ, какъ и было имъ объявлено при входѣ, только временными могилами, изъ которыхъ была одна дорога— въ вѣчныя. Отъ многихъ узниковъ теперь не сохранилось ничего, кромѣ косвеннаго ряда едва замѣтныхъ углубленій въ каменномъ полу ихъ келій, выбитыхъ ихъ долго ходившими взадъ и впередъ ногами, да еще одного большого, хотя и не глубокаго, углубленія въ почвѣ, за бастіонами крѣпости, тамъ, гдѣ вѣчно плещутъ волны и гдѣ лежатъ ихъ вѣчныя могилы. Тамъ, на берегу, ихъ зарывали по ночамъ, при свѣтѣ фонарей и, выбросивъ избытокъ земли въ глубину озера, прикрывали ихъ могилы свѣжимъ дерномъ, чтобъ утромъ не было замѣтно никакихъ слѣдовъ погребенія даже и на этой, недоступной ни для кого чужого полосѣ берега, подъ бастіонами. Но эти расчеты не удались. Изрытая почва, осѣла и теперь надъ каждой могилой образовалось по легкому углубленію.

\* \* \*

Прозаическія произведенія этой книги принадлежатъ болѣе позднему періоду заключенія. Большинство перво-

начальныхъ узниковъ Алексѣевскаго Равелина Петропавловской крѣпости, и, какъ его продолженія, Шлиссельбурга, были уже въ своихъ могилахъ. Остальные быстрыми шагами шли вслѣдъ за ними. Нѣкоторые потеряли разсудокъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ всѣ кельи должны были опустѣть и стуки въ стѣнахъ темницы могли навсегда прекратиться.

И вотъ условія жизни въ этомъ крошечномъ міркѣ живо погребенныхъ были улучшены.

Зачѣмъ?

Можетъ быть, для того, чтобы не опустѣла темница и тюремщики не потеряли своихъ мѣстъ?..

Но какъ бы то ни было, бывшія тѣни вдругъ увидѣли другъ друга. Онѣ все еще оставались безымянными нумерами, но ихъ стали водить на прогулку *по два вмѣстѣ*. Это была для нихъ неожиданная радость, и смерть перестала косить одну блѣдную тѣнь за другой. Въ ихъ кельяхъ появились чернила и бумага безъ нумерованныхъ страницъ, и тотчасъ же возникла цѣлая литература повѣстей, разсказовъ и воспоминаній, писавшихся для развлеченія другъ друга. Появились даже товарищескіе сборники, перебрасывавшіеся изъ одной «прогулочной клѣтки» въ другую, когда заключенныхъ выводили гулять въ глубокой промежутокъ между стѣною ихъ темницы и высокимъ бастиономъ крѣпости.

\* \* \*

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Невѣдомые никому постороннему сборники давно уничтожены, такъ какъ большинство узниковъ потеряло всякую надежду выйти изъ своихъ стѣнъ или вынести за ихъ предѣлы свою литературу, которой они сверхъ того и не придавали никакого значенія. Закрытіе Шлиссельбургской крѣпости въ 1906 г. уничтожило послѣдніе экземпляры этихъ сборниковъ, такъ какъ вывозъ ихъ представлялся большинству заключенныхъ невозможнымъ, вслѣдствіе неумолимой цензуры мѣстнаго начальства, отбиравшаго до тѣхъ поръ у вывозимыхъ нерѣдко каждый клочекъ бумаги. Однако, среди всеобщей растерянности мѣстныхъ властей во время крушенія этой, казавшейся имъ такъ прочной, темницы, нѣкоторымъ уда-

лось увезти кое-что не только изъ научныхъ, но и изъ беллетристическихъ произведеній.

Мало, очень мало сохранилось отъ написаннаго тамъ въ былые годы. Но когда мнѣ удалось получить маленькій тюкъ нашихъ старинныхъ произведеній отъ увезеннаго послѣднимъ Гершуни, то отъ этихъ давно знакомыхъ полуистлѣвшихъ тетрадокъ и листковъ такъ и повѣяло на меня воспоминаніемъ прошлаго, сдѣлавшагося теперь болѣе похожимъ на сонъ, чѣмъ на дѣйствительность, того прошлаго, когда я и самъ былъ тѣнью, простымъ № 4, и ожидалъ, что также, какъ и другіе, буду зарытъ при свѣтѣ фонарей на берегу озера, въ одну темную осеннюю ночь... Многие въ этихъ тетрадкахъ и листкахъ было лишь въ черновыхъ наброскахъ, почти не разборчиво. Многие—безъ конца. Но какъ ни мало выбросили волны на берегъ, все же и этихъ матеріаловъ, вмѣстѣ съ сохранившимися у меня, оказалась достаточно для составленія этого сборника.

**Николай Морозовъ.**

**ВЪРА ФИГНЕРЪ**

**заклученная № 11**

**ЦАРЕВНА ИЗГНАННИЦА**

**СКАЗКА**



## ЦАРЕВНА-ИЗГНАННИЦА.

### СКАЗКА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ царь. Царь былъ вдовъ, а отъ умершей жены у него осталась маленькая дѣвочка. Такъ какъ въ той странѣ не было закона, чтобы только царскіе сыновья наслѣдовали престолъ, то на маленькую принцессу всѣ смотрѣли, какъ на будущую правительницу государства. Но царь погоревалъ, погоревалъ о первой женѣ, да и женился на другой, хотя и зналъ, что нечего ждать добра отъ мачехи для его малютки. Презрѣлъ онъ и житейскій опытъ и совѣты приближенныхъ, опасавшихся властолюбія его избранницы... презрѣлъ и молву народную, что она волшебница. И, чего добрые люди боялись, то и случилось. Какъ только родилась у новой царицы собственная дочь, такъ и начала ее черная дума грызть: какъ бы устранить старшую царевну, а свою дочь возвести на престолъ.

Но какъ этого добиться?

Царь души не чаялъ въ своей старшей дочери и лелѣялъ ее, какъ зѣницу ока; любилъ ее и простой народъ. И придумала тогда злая царица хитрое средство—известить молодую царевну, не проливая крови и не раздражая народа.

Она сумѣла убѣдить стараго царя въ томъ, что молодой царевнѣ, какъ будущей правительницѣ государства, необходимо ради лучшаго знакомства съ подвластными землями и народами совершить далекое путешествіе. Настоящая же ея цѣль была другая: удалить падчерицу отъ двора и осла-

бить въ народѣ память о ней. Царь, хотя и съ неохотой, согласился, и вотъ, по приказанію злой мачихи, дѣвочку увезли на край земли, на маленькій безлюдный островъ, соединенный съ сушей одной узкой полоской земли, по которой могъ пройти всего одинъ человѣкъ. Съ трехъ сторонъ островъ былъ окруженъ глубокимъ и бурнымъ моремъ, волны котораго и день и ночь пѣнились и клубились, разбиваясь о прибрежныя высокія скалы, а со стороны материка поднималась высокая башня, а на этой башнѣ царица поставила свою вѣрную стражу, чтобы она никого ни впускала, ни выпускала отъ царевны.

\* \* \*

И поселилась тамъ юная изгнанница со своей нянькой, которая по дряхлости еле-еле могла ей прислуживать, и стала она жить и расти въ полномъ одиночествѣ, безъ людей, безъ сверстниковъ. Но и въ пустынѣ ласково свѣтило яркое солнышко, привѣтно синѣло голубое небо, и бушующее море своимъ вѣчнымъ однообразнымъ прибоемъ точно напѣвало безконечную, неопредѣленно-грустную и вмѣстѣ чарующую пѣсню. На островѣ была разнообразная сѣверная растительность. Былъ лѣсъ съ прохладной тѣнью и золотистыми солнечными пятнами, прорывавшимися сквозь листву березъ, орѣшника и молодыхъ дубовъ; былъ ручей на опушкѣ, гдѣ цвѣли ландыши и зрѣла земляника. Темно-зеленый папортникъ и алая костяника покрывали подлѣски? Были на островѣ и лужайки съ густой высокой травой и множествомъ полевого мака, колокольчиковъ, гвоздики—царицы поля и другихъ цвѣтовъ. И такъ какъ у царевны не было ни подругъ, ни игрушекъ, ни наставниковъ и все это замѣняли ей волны, цвѣты, да лѣсныя птицы, то она и полюбила ихъ всею душой. Каждая травка съ ея прихотливыми очертаніями, зубчиками, вырѣзками и жилками, каждый цвѣтокъ съ его изящно отвороченными и нѣжно окрашенными лепестками, на которые избалованный ребенокъ и не посмотрѣлъ бы, открывали ей цѣлый міръ красоты, правильности и разнообразія. Формы, краски, гармонія сочетаній,—все вызывало любознательность, удивленіе и ра-

дость ребенка... И съ птицами сроднилась она: онѣ не боялись прилетать къ ней, клевали изъ ея рукъ и не уставали напѣвать ей свои незатѣйливыя пѣсенки.

Мало-по-малу, выростая и все болѣе входя въ общеніе съ окружающей природой, царевна чувствовала себя совсѣмъ счастливой. На душѣ ея былъ покой, а кругомъ все было тихо и лучезарно... Однообразія своей жизни и потребности въ сочувствіи другихъ она не ощущала: каждый листикъ посылалъ ей сердечный привѣтъ и всякая береговая волна говорила съ ней языкомъ понятнымъ и проникающимъ въ душу...

Такъ прошло не мало лѣтъ.

И началъ тосковать о своей дочери старикъ-царь, сталъ приставать къ мачихѣ съ вопросами, скоро ли вернется дочь изъ дальняго путешествія. Народъ также начиналъ интересоваться судьбой любимой царевны... И вотъ мачиха рѣшила сама съѣздить на безлюдный островъ разузнать, жива ли она, и если жива, то что съ нею стало. Ъхала, ѡхала... добралась наконецъ до берега моря. Нашла свою вѣрную стражу въ порядкѣ и спрашиваетъ:

— Ну, какъ царевна поживаетъ? Тоскуетъ ли? убивается ли?

— Не тоскуетъ царевна!—отвѣчаетъ стража.—Тихая она, спокойная и всегда веселая.

Разсердилася мачиха и думаетъ: «Что же это значить? Чѣмъ живетъ тутъ ея душа? Чему радуется ея сердце?»

И пошла мачиха къ царевнѣ, а та сидитъ на лугу, вѣнокъ заплетаетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ и пѣсни поетъ: въ рукахъ у нея хмель, повилика, васильки, макъ и ржаные колосья, а изъ себя царевна такая пригожая: глаза синіе, какъ небо ясное, лобъ высокій, какъ изъ мрамора, на щекахъ румянецъ алый, а коса русая, какъ тяжелое золото, по плечу спускается...

Больно и досадно стало мачихѣ; видитъ она, что падчерица—красавица и притомъ веселая и здоровая...

Но пересилила себя волшебница: доброй прикинулась и стала такъ ласково да тихо расспрашивать и выпытывать: какъ живетъ царевна? какъ не скучно ей одной-одиношень-

кой на цѣломъ островѣ? Чѣмъ день-деньской она занята? какъ коротаетъ вечера долгіе, утра раннія?

А царица и не подозрѣваетъ, кто передъ нею, и какъ дитя, все попросту рассказываетъ: хвалить душистыя цвѣты и лѣсную тишь... и траву шелковую и полевыхъ пѣвцовъ... По словамъ ея, благодать кругомъ: куда не глянешь, все любо, все мило и душа полна радости... нѣтъ тревоги, нѣтъ тоски въ ея сердцѣ.

Удивилась царица, задумалась. А потомъ и говорить:

— Ты не опытна и плохо смотришь, а на мой глазъ, такъ ничего хорошаго тутъ не видать: ну что это за лѣсъ? что за лужайка? Развѣ такіе они должны быть! Посмотри-ка на это дерево: вѣдь оно совсѣмъ корявое! Кривой стволъ его не стрѣлой отъ земли высится, а изъ стороны въ сторону нагибается... А въ этомъ червь давно выточилъ дупло глубокое... У того листа рѣдкая: словно гусеницы объѣли ее... Глянь на листки: что за жесткій листъ! А плоды вонь тѣ, ихъ не только люди,—свиньи ѣсть не станутъ... Нѣтъ! нѣтъ! Дрянныя деревья здѣсь, никуда не годятся ягоды... А цвѣты? Это срамъ, а не цвѣты, не хочется и смотрѣть на нихъ.

И пошла и пошла старуха: направо и налево укоризны бросаетъ, говоритъ, какъ изъ короба горохъ сыплеть...

А царица сидитъ, въ землю очи потупила... и не хорошо у ней на душѣ становится. Полевой пушистый макъ, что въ рукѣ у ней—уродъ, по словамъ мачихи: настоящій макъ—макъ махровый, съ несмѣтными лепестками, и на каждомъ лепесткѣ бахрома чудная, а въ середкѣ красное пятнышко. И гвоздика полевая—жалкій оборвышъ, нищій, присвоившій себя чужое имя въ сравненіи съ настоящей гвоздикой, съ ея гордой много-лепестковой головкой, чудно разрисованной разными колерами. И наполнились слезами глаза дѣвушки; видитъ она, что и въ самомъ дѣлѣ многое не ладно, что орѣшникъ бѣденъ листьями, тощъ, и въ одну сторону накренился; вѣтви елочки, стѣсненныя другими деревьями, въ одномъ мѣстѣ длиннѣе